

А. К. СЕКАЦКИЙ*

ВТОРИЧНОЕ УПРОЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБРЕТЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛА

Аннотация: В статье рассматривается происходящая сейчас по всему фронту редукция основных социально-психологических феноменов и упрощение экзистенциального измерения человеческого бытия. Речь идет о *вторичном упрощении*. Именно оно определяет сегодня картину действительности вопреки усложнению техники и появлению новых возможностей воздействия на природу и друг на друга. Редукция этики состоит в том, что исчезает момент внутреннего противодействия этическим императивам. В сфере эстетики выветривается так называемая аура, в совокупности это означает демонтаж подиумов и пьедесталов. Параллельно происходит демократизация истины и, наконец, полная прозрачность устанавливается в экономике, включая и сферу денежного обращения. Текст содержит ряд предположений относительно характера синтезируемого сейчас социально-психологического континуума.

Ключевые слова: вторичное упрощение, экономика, социально-психологический континуум, редукция эстетического, пьедестал, подиум, новая этика.

A. K. SEKATSKIY

SECONDARY SIMPLIFICATION AS A WAY OF ACQUIRING THE ORIGIN

Annotation: The article examines the reduction of the main socio-psychological phenomena taking place on the whole front and the simplification of the existential dimension of human existence. We are talking about *a secondary simplification*. It is it that determines the picture of reality today, despite the complexity of technology and the emergence of new opportunities to influence nature and each other. The reduction

---

* Секацкий Александр Куприянович — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный университет аэрокосмического приборостроения.

of ethics consists in the fact that the moment of internal counteraction to ethical imperatives disappears. In the field of aesthetics, the so-called aura is eroding, in aggregate this means the dismantling of podiums and pedestals. In parallel, the democratization of the truth is taking place and, finally, full transparency is being established in the economy, including the sphere of monetary circulation. The text contains a number of assumptions about the nature of the currently synthesized socio-psychological continuum. *Key words*: secondary simplification, economics, socio-psychological continuum, reduction of aesthetic, pedestal, podium, new ethics.

Если истина может подлежать упрощению, она, очевидно, носит сложно-составной характер — возможно ли такое? Ведь тогда должно быть определение, которого, кажется, и добивался Понтий Пилат, напрямую спросивший Иисуса: «Что есть истина?». Господь, как известно, промолчал, не сказал этого Пилату, но евангелистам и миру он дал такое определение: «Я есть истина». На этом утверждении, собственно, и держится христианство. Но пути вторичного упрощения неисповедимы, истина подверглась расщеплению, причем процесс шел изохронно с другими редукциями всего спектра. Прекрасное лишилось своей ауры, публичное (бытие-в-признанности) — своей харизмы, мистика денег выходит из тумана — вот и истина предстает в своей неожиданной простоте. Наука не смогла (или не захотела) лишить ее сакральности, но простой здравый смысл, синтезированный во всемирной лаборатории социальной инженерии, сделал это. Вспомним, как все это было, восстановим пунктирно важнейшие этапы.

Ученые, конечно, не поверили Спасителю, что он и есть истина, но божественный, трансцендентный статус истины по факту признали. И они, ученые, служили своей истине как христианские священники — своему Богу. Пока это было так, авторитет науки оставался незыблемым, но экспансия вторичного упрощения упразднила сакральность истины, по крайней мере, поставила этот вопрос на повестку дня. Идущую реформу можно расценить как следующий шаг в провозглашенном однажды направлении «не человек для субботы, а суббота для человека», и вот, заменив «субботу» на «истину», мы достаточно внятно можем описать содержание разворачивающегося на наших глазах этапа.

Итак, первоначала обретены или, по крайней мере, уже обрисовались на горизонте. Как ни странно, для их характеристики больше всего подходит

процедура *ego cogito*, в ходе которой обретается ясное и отчетливое знание, только требования ясного и отчетливого следует перенести с модуса бытия от первого лица (Я есть!) на состояния сознания и самой социальности, которая теперь и может быть описана как набор дискретных состояний. Единицы новой всеобщей валюты неслучайно претендуют на звание «кларенсов» и «дистинктов», ведь эти же имена подходят и для обозначения «состояний истины». И для состояний красоты, если позволено будет так назвать эстетические ценности. И для этических состояний, которые, несомненно, стали более ясными и отчетливыми, хотя при этом их набор никогда еще не был таким произвольным. Ну и состояния признанности, — кажется, за них, наконец, перестала отвечать «молва» (*Gerede*); признанность, кажется, неуклонно идет к тому, чтобы быть номинированной в баллах в рамках прозрачной процедуры начисления баллов.

Отчетливость и ясность позывных сборки человеческого в человеке во многом обусловлена упадком сил противодействия и сворачиванием общей атмосферы агональности. Первоначала утверждаются в мире под своими именами, поскольку способны продемонстрировать собственную очевидность, будь то моральные императивы или исторические предпочтения. Но очевидность свойственна тому или иному положению вещей, когда оно уже есть: тогда перед нами самое простое решение с удивительным провалом в памяти, что еще пару десятилетий назад такое решение считалось совершенно несбыточным, а то и вовсе не рассматривалось. Сейчас, напротив, уместно задать вопрос: а как могло быть иначе? Как можно было полагать, что интеллектуальные способности женщин не дотягивают до уровня мужчин? Как можно было заставлять себя получать удовольствие от текста, требующего усилий, предаваясь своеобразному мазохизму? И мириться с тем, что потоки денег остаются непрозрачными?

С позиций обновленной, радикально упрощенной Вселенной *прежний мир* и вправду представляется погруженным в туман, кажется каким-то мерцающим и прерывистым, уклоняющимся от всеобщего эквивалента и увлеченным игрой в маскировку, чтобы видимость непременно противоречила сущности, а сами видимости непременно конкурировали друг с другом. Соответственно, первой реакцией какого-нибудь инопланетного существа, посетившего этот новый мир вторичного упрощения после царства ressentiment, такова: здесь меньше тумана! Какие отчетливые здесь контуры и какие ясные намерения! Примерно

такой может быть первая реакция до того, как странник присмотрится хорошенько и сообразит, что в этом редуцированном мире избыток ясности образовался из-за дефицита мерности, из-за схлопывания и свертывания измерений. Здесь все столь однозначно и отчетливо из-за того, что перекрыты входы в трансцендентное, задраены порталы, ведущие в Тридевятое Царство, в Тридесятое Государство. И отключена энергия преодоления.

Таким образом, ответ на вопрос о преодолении рессентимента и возвращении к первоэлементам прямой чувственности, к первоначалам — отрицательный. Пожалуй, в такой оценке были бы вполне единодушны и Руссо, и Ницше, и Хайдеггер. Никто из них не опознал бы на площадке вновь обретенной простоты и эквивалентности настроек того мира, который грезился через миражи забвения, мира, преодолевшего грехопадение и вышедшего из размытости бытия к невиданному прямодушию, так похожему на евангельское «да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого». Увы, точность отдельных деталей несколько не способствует опознанию целого. Что тут можно сказать? Что никакое первоначало истории не обнаруживается в состоянии данности сразу? Или что никакое упрощение не приоткроеет нам действительного прошлого? А может быть то, что первоначала логические никогда не бывают исторически первыми пунктами, в чем как раз и заключается кардинальное различие логического и исторического. Но не проблема опознания интересует нас сейчас, несмотря на всю склонность метафизики к разоблачению обознатушек. Интересны *новые побег*и, образующиеся перемычки, перезапущенная ритмология понятий или, как говорит Латур, «пересборка социального». В ключевых точках великих упрощений меняется вектор развития, так что всеобщая история начинается как бы с красной строки.

Всмотримся в это еще раз на примере экономики, обращая внимание на изменения в процессах дистрибуции вещей и в характеристиках полей овеществления. Вспомним логический старт капитализма, действительное обретение простейшей клеточки товарного производства. С точки зрения исторической датировки он оказался достаточно размытым, и вектор скорости (быстроты дистрибуции) на этом этапе преобладал в качестве магистральной линии развития. Образ монастырского хозяйства выбран как раз в качестве последнего оплота сопротивления. Здесь базировалась и практиковалась «ойкономия», исследованная Агамбеном в близком ключе¹. После того, как

оплот пал, осложненная дистрибуция окончательно уступила место чистой экономике с освобожденным от всех ойкономических отягощений регулятором. Имя этому регулятору — производительность труда, а его мера — общественно-необходимые затраты времени. Капитализм родился из полного и окончательного «расколдовывания», если, опять же, прибегнуть к термину Макса Вебера.

Однако вскоре откуда-то появились новые колдовские чары — капитализм стал наполняться собственной мистикой. И речь идет не о протестантской формуле веры, ибо дух протестантизма при всей своей созидательной мощи вскоре выветрился сам по себе. Речь о том, что деньги, будучи универсальным катализатором всех вещественно-созидательных процессов, проникли во внутренний мир, где стали одним из языков воображения, сначала — всего лишь *одним из*. Но постепенно в производстве фигур воображения и воли деньги начинают играть ту же роль, что и для «внешнего» товарного производства, при этом возникновение и приумножение денег остается локализованным на отдельных привилегированных площадках. Эти огражденные территории в общем случае называются «рабочими местами», почему-то труд должен быть приложен именно здесь, за ограждением. Кроме типовых рабочих мест существуют также *храмы Маммоны*: биржи, банки и прочие финансовые учреждения — именно там выходящие из центров эмиссии полуфабрикаты получают свое сакральное содержание. Там совершаются определенные ритуальные действия во имя денег, например, осуществляется их экономия (вклады), даются и принимаются обещания (хочется сказать «обеты»), но они носят другое имя — «кредиты»), осуществляются котировки как денежная номинация некоторых желаний. Несомненно, назревает вопрос: к чему все эти церемонии и ритуалы и почему их так много?

И еретическая мысль, которая вскоре перестанет быть еретической: главный эмиссионный центр должен находиться в душе. Если угодно, в твоём сердце — и тут трудно не заметить сходства с главным требованием Реформации: упростить формат обращения к Богу, вернуться к определению церкви, данному Иисусом: «где вас двое или трое соберутся во имя мое, там и я среди вас». Почему же эти самые «двое или трое» могут составить церковь, но не могут составить эмиссионный центр? Что мешает им заняться взаимным кредитованием, если они готовы приложить усилия,

затратить энергию, потрудиться — и готовы сделать это прямо сейчас? Зачем нужно идти в специально огражденные места и тратить усилия там, почему прямо здесь не могут быть эмитированы несколько кларенсов, имеющих хождение повсюду: везде, где двое или трое собираются во имя реального производства?

Пока не ясны технические детали такой эмиссии, довольно сложной представляется проблема контроля за поступающей в обращение монетой. Зададимся вопросом: имеется ли какой-нибудь исторический прецедент? Напрямую, пожалуй, нет, но кое-что можно привлечь в качестве параллели. Если вспомнить переход от ойкономии к экономике, к чистому товарному производству, а в особенности если сравнить облегченный и ускоренный товарообмен с циркуляцией вещей в тотальном поэзисе, мы можем усмотреть сходную проблему *первоначального недоверия*. Прежние, полноценные вещи были изготовлены по всем стандартам: были сказаны надлежащие слова (например, заклинания), прозвучало что-то вроде сопроводительной вещей песни, гарантировалась ритуальная чистота производства, — словом, весь надлежащий объем магической технологии был задействован. Новые, облегченные вещи-товары ничего такого не содержали: на их производство был просто затрачен труд. Первоначальное недоверие, естественно, было связано с тем, что в таких вещах-товарах могли остаться не устраненные вредоносные свойства и, наоборот, отсутствие многих полезных свойств, добавляемых посредством магических технологий, делало потребление сомнительным. И все же процесс пошел, пусть и не сразу. Изготовленные по упрощенным технологиям вещи-товары, в общем, доказали свою безопасность — так что возвращаться к расширениям тотального поэзиса не пришлось.

Ситуация с кларенсами и их автономными эмиссионными центрами может оказаться похожей: если будет запущен пробный оборот новой валюты, кларенсов и дистинктов, и некоторое время он продержится, то и упрощенные, лишенные магии финансовых учреждений деньги могут разделить судьбу очищенных от магических технологий товаров — очень даже благополучную судьбу.

Представим себе такую картинку: все, что сделано для другого по его просьбе и, допустим, при наличии третьего как свидетеля, тут же запускает автоматическую эмиссию кларенсов, объем которой, например, прямо

пропорционален эксклюзивности: если подобное может сделать каждый, ты получаешь минимум (поскольку сделал все-таки ты). Если это могут сделать лишь немногие — получаешь значительно больше. Активные расчеты в этой валюте также могут приводить к возврату части израсходованных средств, наверняка наметятся и стратегии капитализации. Предусмотреть заранее возможные операции с клар-валютой нереально, но очевидно, что это будет новым историческим витком демистификации и расколдовывания.

Таким образом, если Реформация принимается как возвращение к Первоосновам (прежде всего — ее создателями), в том числе к атомарной церкви в строгом соответствии с Евангелием («Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 19, 20)), то и переход к клар-валюте уместно будет назвать Реформацией Маммоны, если достаточно трех собравшихся для эмиссии обновленных, демистифицированных денег. Следует отметить, что и там и там: и для церкви Иисуса и для церкви Маммоны *одного не достаточно* — монада веры представляет собой общину, пусть даже общину самую минимальную. Ясно, что и Маммона никогда не согласится на меньшее: самое искреннее «желание бабла себе самому» как следствие воспаленного воображения никогда не получит статуса священной эмиссии; при этом зарегистрированное полезное дело вполне может принести несколько кларенсов, причем тут же, не отходя от кассы, точнее говоря, — даже не подходя к ней.

По аналогии возникает и следующий вопрос. Реформация высвободила благодать, волю Божию из неперменной циркуляции по каналам громоздкой машины спасения, принцип «спасение вне церкви невозможно» был поставлен под вопрос. А благодать вместе со всевышней волей была тут же переброшена на ближайший производственный цикл, что, в свою очередь, запустило мирскую аскезу как тип одухотворения, породивший капитализм и долгое время его поддерживавший.

Что может произойти в случае новой реформации, если деньги как квинтэссенция предприимчивости, обещания и воли тоже выводятся из-под власти громоздких институций капиталистической машины и государственного контроля и переводятся в режим прямой эмиссии вследствие признания и признанности полезных дел? Куда будет направлена (переброшена) их вещая сила?

Ответ требует дополнительного расследования, предварительно же можно сказать, что один из языков воображения, самый новый из них, получит еще большее преобладание. Нужно, однако, сопоставить назревающую Реформацию-2 с развязками других редукций, где тоже нельзя исключить появления неожиданных осложнений после решительного упрощения.

Итак, происходит обретение первоначал, которые отнюдь не были даны с самого начала, но — в логическом движении во всякой восстановленной логике, оказывающихся безусловными первоначалами, без которых не построить теорию. Эти первоэлементы, тем не менее, ведут себя затем как свободные радикалы, то есть присоединяют к себе «еще что-нибудь» из внешнего мира, а то и из мира внутреннего, и начинается развитие в ином измерении, при том, что квант событийности из этого нового измерения, возможно, выделится лишь впоследствии. В таком ключе развиваются все основные процессы бытия-в-признанности, социализации, да и, собственно, производства человеческого в человеке: сначала путем вторичного упрощения, восхождения к первофеномену и уж затем — по прямой траектории уже в единстве исторического и логического.

А затем и эта зрелость
Тоже станет в некий час
Детством, первыми шагами
Тех, кто будет после нас...

(Ю. Левитанский)

Свидетели, а, быть может, и подданные нового Первофеномена, сначала обнаруживают его в состоянии путаницы или, лучше сказать, заколдованности. В заколдованном состоянии находился акт самовозрастания стоимости, но в какой-то момент демистификация произошла, после чего началось развитие автономной, имманентной экономики — собственно капитализма.

Однако этот прозрачный и ясный капитализм тут же породил своих критиков, достаточно могущественных критиков, упрекавших его как раз за чистоту чистогана: за то, что деньги решают все, а погоня за прибылью является единственным действенным стимулом. Но, как уже отмечалось, все попытки ограничить всеисилие денег провалились. Ибо похоже, что могильщиком этого капиталистического принципа станет не отказ от денег,

а резкое усиление их роли, но при этом очищение эмиссии денег от мистического тумана. И если реформация Маммоны состоится, то нынешний критерий чистоты покажется чрезвычайно замутненным, с причудливой локализацией эмиссионных центров, с бесчисленными оговорками типа «не в деньгах счастье»².

Новая, уже высветившаяся на горизонте редукция-реформация должна убрать все оговорки и действительно очистить чистоган: то есть сделать максимально прозрачной калькуляцию благодарности, помощи — как скорой помощи, так и долгосрочной, — произвести денежную номинацию затрачиваемых усилий независимо от места их приложения. Рубикон эмиссии, скорее всего, пройдет по линии, отделяющей «благие намерения» от «добрых дел», а золотое содержание будет заменено *честной усталостью*. Ясно, что обретение новейшего первоначала потребует переписать всеобщую историю денег и окончательно дистанцироваться от наивного диаматовского тезиса о том, что развитие происходит от простого к сложному, ибо таков лишь частный случай отдельных веточек в кусте хронопозиса — случай, который, возможно, даже не заслуживает имени *развития*, ему больше подошло бы что-нибудь вроде «прогрессивного ветвления». Что же касается такого хронопозиса, как человеческая история, то тут суставы времени отличаются чрезвычайной гибкостью, на что, увы, не обратил внимание Деррида в своей известной работе «Призраки Маркса», сосредоточившись на случаях «вывиха» этих самых суставов. Между тем, в истории сплошь и рядом встречаются удивительные петли развития, среди них и те, когда происходит обретение первоначала в результате вторичного упрощения. Зачастую они определяют мэйнстрим истории и достойны особого имени, — например, *ретропричинение*, и особого рассмотрения наряду с гегелевским *Aufheben*. Петля времени, в результате которой собственное основание обнаруживается и разворачивается далее как стремительное перепричинение событий в пользу обретенного, наконец, основания, первоначала. В этом процессе непременно возникает и какой-нибудь едва заметный затерявшийся периферийный элемент — теперь можно смело констатировать, что и он затерялся не навсегда: когда-нибудь, возможно, он будет назван, опознан и привлечен в ходе ретропричинения в качестве первоначала для чего-то иного.

Теперь вновь следует отметить, что первоначала, после того как они опознаны и извлечены из связок, становятся свободными радикалами, то есть

обретают способность образовывать новые связи по отношению к континууму — или способность конституировать новый континуум. Пример с освобожденным «чистоганом» подходит и здесь: акт элементарного производства и соответствующих обменов образовал континуум сберегающей экономики с имманентными каузальными связями типа спрос — предложение или инвестиция — реклама. Сюда же деньги вошли в качестве катализатора и универсального топлива. Но одновременно замкнулась трансцендентная связь с благодатью, резонансно усилившая производительность труда и обеспечившая тогдашний триумф сберегающей экономики. Отметим, что другие связи, не столь хорошо отслеженные, напротив, порождая различные фетишизмы, препятствовали общей производительности (например, гипербережливость).

Сейчас нас, конечно, интересуют характеристики и параметры новых свободных радикалов, тех экзистенциальных первофеноменов, которые образовались в результате грандиозного расщепления, произведенного в реакторе постиндустриальной цивилизации. Выводы тут пока будут преждевременны, поскольку образовавшиеся частицы-радикалы, они же первофеномены, пока очень неустойчивы, склонны к распаду, и мы знаем далеко не все из них. И все же присмотримся к тем активным началам, которые выявлены и пригодны для имманентных и трансцендентных сцеплений. Вот сводный список:

— Открытая валюта (кларенсы — дистинкты), эмитируемая во имя капитализации добрых дел и помощи другому.

— Этика без преодоления сопротивления бессознательного, без непрерывной репрессии императивов по отношению к чувственности и вообще к текущей жизни.

— Эстетика без «ауры» (Беньямин), без какой-либо сопричастности сакральной миссии художника.

— Признанность без пьедесталов и подиумов, определяемая на обозримой электронной плоскости просмотров и лайков.

Перед нами, разумеется, далеко не все свободные радикалы нового антропогенеза и социогенеза, но ясно, что они имеют подходящую и активную встречную валентность, что ведет к беспорядочному синтезу летучих соединений, ни одно из которых еще не прошло проверку на устойчивость.

При этом рассмотреть некоторые из них вполне уместно, ведь уже сейчас просматриваются мерцающие возможные миры, составляющие в совокупности облако трансгуманизма. Облако это постепенно опускается и проникает в повседневность, в устойчивые монады «слишком человеческого». Произойдет ли полное замещение условий человеческого существования (human conditions), это можно будет заметить лишь с некоторой исторической дистанции, однако некоторые сцепления, напротив, доступны для наблюдения только сейчас, их инкорпорация и последующая банализация устроят такую возможность. В этом отношении Латур прав: актанты можно разглядеть, а акторов «разговорить» только в начальной стадии. В регулярностях простого воспроизводства они молчат.

Итак, рассмотрим намечаемый вариант соединения (взаимного замыкания разомкнутых в трансцендентное возможностей), в котором некоторые смычки и стыки уже произошли. Начнем описание с этики без императивов и предрассудков, которая оказалась по факту представленной в виде случайного набора надерганных лозунгов, в основном из морального кодекса нигилистов — комиссаров — активистов последних полутора столетий. Здесь немало заимствований из идеи пролетарского интернационализма, но кое-что перешло из других «больших одержимостей» и, конечно же, из современных утопий: из экологического неоязычества и утопического трансгуманизма, над которым так долго и, как выяснилось, довольно успешно работал Голливуд.

Дело, однако, не в содержании. Истины пролетарского интернационализма, например, как минимум столетней давности и можно вспомнить: как долго и тщательно пытались внедрить их в сознание советского человека. Они уже и тогда казались какими-то противоестественными, и с тех пор их противоестественность только возросла. Но одновременно в ходе свершившегося упрощения радикально снизилось сопротивление внедрению, что как раз и означает утрату этикой ее императивного характера и, если угодно, прогресс в одомашнивании этой территориальности. Отметим сразу, что уязвимым моментом здесь оказывается случайность и рассыпчатость этических максим.

Итак, перед нами — носители *непосредственной нравственности*, и это можно было бы рассматривать как великое преображение, если бы им *было что превозмогать* в процессе своего морального очищения. Однако

пещеры индивидуального бессознательного к этому времени были уже замурованы, а пропасти коллективного бессознательного засыпаны. Тем не менее образовавшийся на поверхности активный элемент ищет — и без труда находит — свою пару: например, эстетическую монаду простого удовольствия без ауры. Господствующие эстетические предпочтения характеризуются такой же незамысловатостью, некоторые избранные настройки, определяющие суждения вкуса в полномасштабной, нередуцированной эстетике: такие, например, как «это хуже чем ложь, это плохо написано» (Уайльд), просто не считаются больше как компоненты возможной эстетической реакции. Другое дело — искреннее восхищение трогательным котиком... Некоторые положения «считываются», но вызывают активное отторжение: как, например замечание Набокова о том, что приговор гению должен выноситься с эстетических, а не с этических позиций. Теперь, после вторичного упрощения, перед нами — единство восторженности ми-ми-ми и реакции на *правильную* художественную политику. Это означает, что предварительный синтез этического и эстетического уже произошел, и «неправильная» гражданская позиция художника не только вычеркивает его из списка возможных Нобелевских претендентов, но и блокирует возможность эстетического восприятия.

Пока синтез следует считать предварительным, поскольку сама биполярность эстетических восприятий и суждений все еще сохраняется, но результаты впечатляют. Горечь от непостижимости распределения дара по-немногу перемещается в прошлое: не то чтобы гениальность теперь можно было заслужить новой политкорректной праведностью, но без подчинения утвержденной художественной политике ее точно заслужить нельзя. При полном стабильном синтезе и эта уступительная форма должна исчезнуть, и утверждения типа «философия Хайдеггера ничтожна потому, что он поддерживал нацизм», станут чем-то само собой разумеющимся.

Еще раз подчеркнем радикальность свершившегося разрыва: произошло то, о чем когда-то могли только мечтать внедрявшие соцреализм: как им хотелось, чтобы победитель в соцсоревновании был и самым читаемым писателем, любимым художником и проникновенным поэтом! И усилия были приложены немалые — но тщетно. Получается, что тогда просто время еще не пришло, оно пришло только сейчас, когда обретение

первоначал в качестве свободных, несвязанных радикалов, наконец, состоялось. Но свободные валентности не исчерпаны, и активный синтез социохимер продолжается.

Сюда же, к незанятым валентностям примыкает и новая признанность без подиумов и пьедесталов. Ясно, что «новая» она как раз в силу вторичных упрощений, прежде такая признанность встречалась только в дружбе, в настоящей дружбе, составляя отчасти ее суть. Теперь этот стержень из дружбы оказался выдернут, и она обмякла и обвисла как сдувшийся воздушный шарик. Ведь в силу новой утвердившейся морали предпочтения не могут быть теперь слишком личными, а признанность стремится к симметрии и прозрачности (никаких пьедесталов и подиумов!). Так что *правильный* эстетический выбор и *честные* эстетические предпочтения становятся вполне логичными основаниями признанности и самоуважения, есть для них теперь и дискретная контролируемая шкала — одобрения в социальных сетях. И тот факт, что борьба за признанность, о которой так проникновенно писал Гегель, в значительной мере превратилась в борьбу за лайки и просмотры, не должен вызывать особого удивления.

На подходе новые, честные и прозрачные деньги — как же их сюда не привлечь? Девиз «честь и хвала», которым традиционно сопровождалось утверждение признанности, постепенно устаревает. Заменявший его было шуточный девиз «респект и уважуха» оказался недолговечным, и вот на горизонте маячит что-то вроде «дистинкты и кларенсы!». И действительно, если уж сходятся эстетические предпочтения с этическим выбором, то и деньгам все труднее удерживать независимую орбиту. И для них валентные связи пригласительно открыты. Для них тоже напрашивается девиз. В предварительной форме — «деньги — достойным людям!», а в окончательной — «достойным людям — достойные деньги!».

Тут еще многое неясно, неясно, как будет происходить обналичивание лайков, *правильных* произведений и непоколебимых убеждений. Но уже и сейчас хорошо заметно, что активисты не бедствуют. Хороший показатель тут — деятельность ученых: ведь за ними принято числить особую проникаемость. И они первыми освоили грантовую политику, которую можно рассматривать как авангардную, опережающую пока свое время всеобщую форму дистрибуции денег. То, как ученые при составлении заявок

отслеживают тонкие веяния (на то они и ученые, чтобы отслеживать), в недалеком будущем станет доступно и простым смертным, то есть активистам самого широкого профиля.

Но, опять же, в зрелой форме, предполагающей реформацию и экспроприацию храмов Маммоны, *достойные люди* должны обрести право образовывать собственные эмиссионные центры. Если я, принципиальный и честный человек, помогаю другому такому же принципиальному и честному человеку, то за это деяние должны воздать не небеса (они упразднены), а моя совесть, перешедшая, наконец, из режима угрызения в режим поощрения. А чтобы акция совести имела прочную опору, она должна быть дополнена актом эмиссии: в прекрасном новом мире необходим полный отказ от бессовестных денег.

Таков черновой набросок обретенных первоначал с открытой валентностью. Разумеется, в реакцию могут вступить (и непременно вступят) еще множество не учтенных здесь факторов, и параллельные социохимеры будут конкурировать за право репрезентировать действительность. Уже вмешалось и будет дальше усиливать вмешательство экологическое неоязычество — не только в список ценностей (этических максим), где экологические установки и без того присутствуют на главных позициях, но и в стиль жизни. Своего последнего слова не сказали пока и традиционные религии. Отстоять Бога им, конечно, не удастся, но молитвенные поклоны, омовение ног — все это может быть пристроено на надлежащие места, и кое-какие пробы уже просматриваются. Удивительно, что оговорка «не может этого быть» в ситуации современности постоянно дает сбой, а это означает, что обретенные первоначала со свободными валентностями способны на производство самых невероятных социохимер. То, что мы сегодня наблюдаем в качестве простых фактов, еще вчера казалось немислимым: и полиция США, встающая на колени перед погромщиками, и критика расизма в математике и физике, и немалое количество прочих такого же рода инноваций экзистенциального уровня, имеющих, правда, краткосрочный характер.

Пожалуй, наиболее общей характеристикой идущего сегодня турбулентного синтеза социохимер является маргинализация «слишком человеческого»: то, что Ницше рассматривал когда-то как неисправимое наследие «человеческой породы» и главное препятствие пришествию сверхчеловека,

успешно вытеснено на периферию и продолжает дальше вытесняться. Сегодня «слишком человеческое» — это, скорее, социальный аутизм, проникший во все измерения присутствия, и добровольная готовность жить в таком мире, который идеально подходил бы аутистам. Но проекты неогуманизма и трансгуманизма, при всей их «сбыточности», обладают и моментом уязвимости, что как раз и вселяет надежду.

Да, сопротивление требованиям морали, безусловно, уменьшилось: сегодня прогрессивная общественность столь же пунктуальна в вопросах морали, как когда-то европейская аристократия — в вопросах чести. Сегодня, например, из академического сообщества Европы и США его члены, вольно или невольно нарушившие неогуманистическую цензуру (правила политкорректности), изгоняются столь же решительно, как лет триста назад становились «не рукопожатными» те из дворян, кто не проявлял щепетильности в вопросах чести.

Однако господствующие сегодня «принципы», ввиду их полной искусственности, крайне противоречивы. Видно, что операторы социальной инженерии не слишком позаботились даже о минимальной согласованности новейших нравственных максим. С одной стороны — назад к природе: отказ от паразитарных наслоений цивилизации. Но вот человеческая природа: с ней как быть? Разве не логично было бы и в этом случае призвать к возврату природного, естественного, к устранению накопившихся в человеческой природе искажений? Носители новой морали наверняка гневно отвергнут такого «троянского» коня, но, возможно, призадумаются, поскольку буквально каждая моральная максима нового гуманизма столь же логически беспомощна. Стало быть, у сторонников экзистенциальной подлинности (и, соответственно, — противников социохимер), остается шанс.

Шанс в том, что свод этики сегодня в принципе открыт для новых предложений: это — поле, на котором можно сражаться, и ставки очень велики. С одной стороны, новейшие моральные принципы установлены, так сказать, на ровном месте: они равно-безумны и для христианских святых, и для Канта, и для Маркса. С другой стороны, они обладают беспрецедентной действенностью, что отчасти объясняется как раз разрушенностью человеческой природы, последнего по счету естества. Сегодня как некогда прежде человек напоминает абстрактную схему, обладающую, тем не менее, телом.

Обезумевшим элитам фаустовской цивилизации рано праздновать окончательный успех. Дело в том, что поскольку сфера эстетического, можно сказать, выжата дотла, от художника следует ожидать конкурентного синтеза этических систем — и такой синтез, в сущности, уже идет. Его можно охарактеризовать как новое Возрождение, поскольку главной надеждой тут является как раз история. Очистка исторических пластов и, так сказать, реставрация нравственных артефактов при активном содействии искусства — таков способ заполнить свободные валентности и вытеснить наиболее агрессивные и безумные социохимеры. В конце концов, не исчерпали себя еще и те ценности, которые не купить за деньги, даже за новейшие — совершенно прозрачные в своем происхождении и распределении деньги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Агамбен Дж. Царство и слава. К топологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб., 2018.

² Среди них есть и подлинные шедевры, вроде «настоящего друга нельзя купить, но можно продать».